

ше. Мысливский в очередной раз поднимает тему принадлежности к родной земле; тему родных корней, семейных отношений (образ фасоли как символ семейности), утративших своё первичное значение в связи изменением уклада сельской жизни. По-новому звучит антитеза, поднимаемая во многих произведениях крестьянского течения и неоднократно затронутая писателем ранее, село – город.

Интересным является тот факт, что практически во всех романах герои не наделены именами собственными, что указывает, с одной стороны, на аллегорическое расширение пространства от маленькой деревни до всего мира; с другой – можно утверждать, что описываемые реалии указывают на тесную связь всех обитателей деревни.

Во всех без исключения произведениях В. Мысливского происходит всесторонний анализ крестьянской души. Писатель ввёл в литературу новую перспективу мышления о крестьянской культуре.

Литература

1. Веди́на, В. П. Веслав Мысливский и развитие польской деревенской прозы (60-80-е годы) / В. П. Веди́на // Роман в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы / АН УССР, Ин-т лит. им. Т. Г. Шевченко. – Киев: Научн. думка, 1990. – С. 6-51.
2. Жук, В. Рэляцыя бацька-сын як спосаб адлюстравання сялянскага мудрасці ў раманах Веслава Мысліўскага “Го́лы сад” / В. Жук // Мелодии, краски, запахи “малой родины” Адама Мицкевича. – Гродно: ГрГУ, 2008. – С. 315-321.
3. Хорев, В. А. Польская литература XX века. 1890-1990 / В. А. Хорев. – М.: Индрик, 2009. – 352 с.
4. Bereza, H. Spełnienie / H. Bereza // Sposób myślenia o prozie polskiej. – Warszawa, 1989. – S. 382-395.
5. Włajejewski, T. Samowiedza kulturowa / T. Włajejewski // Literatura jak literatura: szkice i notatki. – Łódź, 1987. – S. 151-171.
6. Myśliwski, W. Kres kultury chłopskiej / W. Myśliwski // Twórczość. – 2004. – № 4. – S. 53-61.

С.П. Добижи, Е.А. Сафронова

(Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, г. Горки)

ЗАПРЕТЫ В ОБЛАСТИ ПРЯДЕНИЯ И ТКАЧЕСТВА В НЕКОТОРЫХ РАЙОНАХ ПОЛЕСЬЯ

Вопрос об изучении типологии обрядов, или так называемых межобрядовых элементов, до сих пор не может считаться поставленным достаточно чётко ни в фольклористике, ни в этнографии. Описание некоторых межобрядовых элементов как таковых можно найти в трудах С.В. Максимова, Д.К. Зеленина, К. Мошинского и некоторых других.

Попытку изучения обрядовых религий в этом аспекте предпринял С.А. Токарев [1;163]. Он обратился к установлению и исследованию общих черт верований русских, белорусов и украинцев, вытекающих из единства происхождения восточнославянских народов. На восточнославянском фоне автор рассматривает обряды и поверья, так или иначе связанные с: 1) лечением болезней и здоровьем: вера в порчу, сглаз и другие сверхъестественные причины болезней; 2) с хозяйственным благополучием: обеспечение урожая, защита скота, дома; 3) с нарушениями ровного хода хозяйственной жизни: стихийные бедствия вроде засухи, града, гроз, пожаров и т.п. Безусловно, описывая определённый обряд, С.А. Токарев не мог не коснуться межобрядовых элементов, но особого внимания на их существование в рамках указанных циклов он не обращал. Например, в разделе о поверьях, относящихся к неживой природе, находим сведения о воде, огне, о следах культа земли: 1) использование воды в обрядах вызывания дождя; принесение жертвы воде; гадание; отношение между водой и нечистой силой, «иным» миром; 2) с огнем связано использование его очищающей и целебной силы в лечении больных; огонь в купальском цикле и свадебной обрядности; запреты, связанные с огнем; 3) следы культа земли находим в запретах

бить землю, городить заборы, строить до определенного времени (например, до 25 марта); в запрещении хоронить на общем кладбище умерших грешников («заложных» покойников, по терминологии Д.К. Зеленина).

Большой материал для описания некоторых общих элементов полесских обрядов можно почерпнуть из работ языковедов, этнографов и фольклористов Н.И. и С.М. Толстых, Л.Н. Виноградовой, О.А. Терновской, А.Л. Топоркова, Н.П. Антропова, Р.М. Ковалевой и др.

Описывая имеющийся у нас материал, мы постарались не только дать классификацию межобрядовых элементов известной территории Полесья (в основном Брестчины), но и показать чрезвычайную актуальность и распространенность перечисленных элементов, а также выяснить, как проявляется действие межобрядовых элементов в наиболее важных для жизнедеятельности человека сферах.

Среди запретов на выполнение каких-либо работ наиболее распространены запреты, прямо или косвенно связанные с ткачеством и прядением, что объясняется как архаичностью, так и актуальностью этих трудовых операций для населения изучаемой части Полесья. Информанты достаточно четко определяют дни, в которые нельзя прясть лён и шерсть. Чаще всего они называют следующие праздники: Святки (т.к. «пыль падает на души мертвых» – Можейки), в пост («гром или град летом будет» – Хоромск, Бельск), Благовещение («Господь накажет, гром будет» – Ополь, Засимы, Хоромск). Из всех дней недели запретным для прядения почти всегда называют пятницу, так как, во-первых, в пятницу бывают поминальные дни («дедова» пятница); во-вторых, в пятницу замучена святая Варвара (как вариант Христос). Эти запреты записаны в деревнях Можейки, Дружиловичи, Ополь, Бельск, Хоромск, Кривляны, Одрижин.

Нельзя было прясть не только в пятницу, но и в субботу вечером (Урбаны); в Гоцке дополнение – и в четверг вечером. Воскресенье считается запретным днем в Ополье, Одрожине, Дружиловичах. В Жолкино записан ответ о разрешении выполнять данные работы в любой день недели, но ответ единичен.

Интересны записи о том, в какие дни и почему нельзя было мотать и сновать нитки. Мотать нитки запрещалось на праздники и в воскресенье (Кривляны, Дружиловичи); в «гнилую» неделю, т.е. время после полнолуния (Хоромск); на четвертой «крестопоклонной» неделе Великого поста (Дружиловичи); в понедельник (Хоромск). Причина – «нитки будут перекрещиваться, плохо ткаться».

На вопрос о сновании ниток ответов гораздо больше; как правило, они включают в себя и дни, запрещенные для предыдущей работы. Итак, сновать нельзя в праздники и в воскресенье (Кривляны, Дружиловичи); на четвертой неделе поста (Дружиловичи); в первую неделю поста (Ополь, Одрижин); на «Сороки», т.е. день сорока мучеников (Ополь); перед «Громныщами», т.е. в Сретенье (Одрижин, Дружиловичи); в субботу, т.к. «тяжело будет рожать» (Ополь); после захода солнца (Хоромск).

Ответы на вопрос, почему нельзя было в определённые дни оставлять на виду веретено и прялку, достаточно разные, но некоторые варьируются и так или иначе связаны с упоминанием змеи: «вуж у хату прыде» (Верхний Теребежов, Оздамичи); «змия убачыш у лесе» (Ополь, Дружиловичи, Одрижин); «вуж спутае все оставленное» (Покрашево, Урбаны).

На вопрос о том, что будет, если оставить на прялке кудель, почти все опрошенные информанты ответили, что это грех, объясняя это тем, что существует некий мифический персонаж, который испортит работу, если не исполнишь запрета: «варвары дапрядут» (Дружиловичи, Верхний Теребежов); «Пилип насэре» (Ополь); «лен буде нечистым, в доме буде грязно» (Хоромск, Дружиловичи).

Следующий вопрос о том, почему нельзя оставлять на ночь основу в доме, объясняется следующим образом: новорожденный будет обвит пуповиной (Ополь); «зиллем

поле зарастэ» (Одрижин); «чорт зматае» (Дрижиловичи); «чэрты будуть вица у хате» (Кривляны). В Засимах зафиксирован единичный ответ, разрешающий оставлять основу в доме на ночь.

С основой связана еще одна группа запретов: можно ли её оставлять на лето сплетённой. Ответы разделились почти поровну: 1) нельзя оставлять, иначе летом не будет дождя (Кривляны, Ополь); «мыш усэ покусае» (Одрижин); 2) можно (Засимы, Кривляны, Верхний Теребежов, Оздамичи, Хоромск); можно, но следует закрыть основу чем-либо (Одрижин, Ополь).

И, наконец, на вопрос о том, можно ли было передавать, в частности после захода солнца, атрибуты прядения и ткачества, зафиксированы следующие группы ответов: 1) нельзя передавать; 2) можно передавать в любое время; 3) можно (нельзя) при определенном условии.

Ответы к позиции 1: нельзя передавать атрибуты прядения и ткачества после захода солнца, т.к. в доме не будут «вечшы вестися», т.е. бедно будешь жить (Хоромск, Кривляны); полотно будет рваться (Одрижин); корова после отёла не даст молока (Ополь); к позиции 2: можно передавать в любое время (Верхний Теребежов, Дружиловичи, Одрижин); к позиции 3: нельзя передавать в праздники (Дружиловичи, Ополь); нельзя передавать через дорогу, т.к. «волки придут в село» (Верхний Теребежов, Хоромск); «бардо нэ нэсуть, як сонца заходыть» (Ополь).

Внимательно изучив весь ряд приведенных запретов, мы можем сделать вывод, что запрет как один из элементов духовной культуры славян, является чрезвычайно актуальным. Семантические корни таких запретов связаны не столько с установлением христианской религии, сколько с сохранением древних языческих представлений.

Литература

1. Токарев, С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – нач. XX вв / С.А. Токарев. – М.: АН СССР, 1957. – с.163.

Krzysztof Korotkich (Uniwersytet w Białymstoku)

KONCEPCJA WOLNOŚCI W POEZJI ANNY ACHMATOWEJ I JOSIFA BRODSKIEGO

Nieco karkołomne wydaje się to przedsięwzięcie, ale na tyle ważne w kontekście twórczości obojga wybitnych poetów rosyjskojęzycznych, nominowanej do Nagrody Nobla Achmatowej oraz jej laureata – Brodskiego, że nie można nie spróbować choćby podjęcia owego problemu, ważnego tak dla zrozumienia ich twórczości, jak i zgłębienia samego zjawiska wolności.

Od razu należy podkreślić, że nie chodzi o wolność uwikłaną w meandry polityki, historii czy systemy i ustroje, ale o takie jej rozumienie, które przychodzi wraz z namysłem, refleksją nad duchowością, wyobraźnią poetycką, aktem twórczym. Oczywiście nie da się uwolnić od kontekstów, będących punktem odniesienia dla obojga poetów, zwłaszcza dla Brodskiego, takich jak ojczyzna, prawda oraz godność człowieka. Nie da się być może uniknąć i takich porównań, które wydają się całkiem naturalne, a mają swe podłoże we wspólnych przestrzeniach wyobraźni i w poczuciu misji i siły słowa. Dlatego interesujące mogą okazać się skądinąd odważne porównania do tekstów Czesława Miłosza lub Zbigniewa Herberta, polskich mistrzów słowa, dla których wolność stała się istotnym elementem ich wyobraźni oraz tematem twórczości poetyckiej.

Oglądanie poezji Achmatowej czy Brodskiego przez filtr tak postawionego problemu może być sposobem na odświeżenie tego niezwykłego dziedzictwa słowiańskiej wrażliwości i mistrzowskiej władzy nad słowem. Samo pojęcie wolności nie jest na tyle klarowne i